Master Negative Storage Number

OCI00052.03

Garshin, V. M.

Signal

Moskva

1894

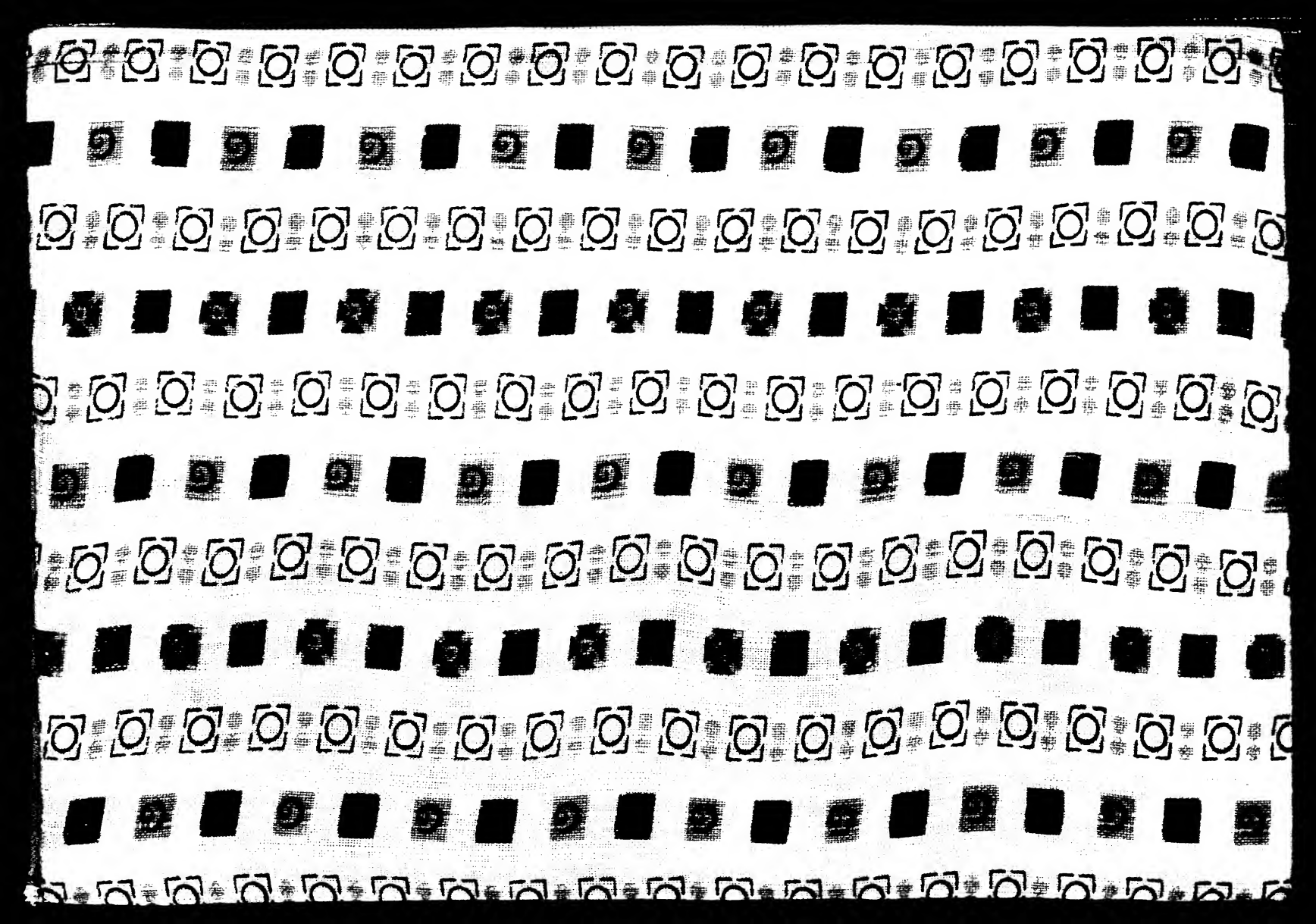
Reel: 52 Title: 3

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00052.03

Control Number: BGM-5729
OCLC Number : 24888010
Call Number : W 381.5917N G195s no. 1
Author : Garshin, V. M. (Vsevolod Mikhailovich), 1855-1888.
Title : Signal : razskaz / Vsevoloda Garshina.
Imprint : Moskva : Tip. T-va I.D. Sytina, 1894.
Format : 36 p. ; 18 cm.
Note : "No. 40"
Note : Color illustration on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-31-94
Camera Operator: CS



PRESENTED TO THE
CLEVELAND
PUBLIC
LIBRARY

FRIENDS OF THE CLEVELAND PUBLIC LIBRARY, INC.

СИГНАЛЪ.

№ 40

CNIHAL

СИГНАЛЪ.

РАЗСКАЗЪ

Всеволода Гаршина.

№ 40.

МОСКВА.
Тип. Высоч. утвер. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., с. домъ.
1894.

СТАНФО

озволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 января 1894 года.

СИГНАЛЪ.

РАЗСКАЗЪ

Всеволода Гаршина.

Семенъ Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой—десять верстъ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ-за лѣсу ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семенъ Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ онъ побывалъ на войнѣ; служилъ въ денщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстъ въ жару и въ

морозъ; случалось и подъ пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лощинку—турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ: каждый день три раза носилъ ему Семенъ изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту; пули свистятъ, въ камни щелкаютъ: страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа-офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Не мало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой—отецъ-старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году—тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семенъ съ женой самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ невтерпежь, пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семенъ съ женой и на Линіи, и въ Херсонѣ, и въ Донщинѣ; нигдѣ счастья не достали. Пошла жена въ прислуги, а Семенъ попрежнему все бродитъ. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто знакомый. Глядитъ на него Семенъ, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга: офицеръ своего полка оказался.

— Ты, Ивановъ?—говоритъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть.

— Ты какъ сюда попалъ?

Разсказалъ ему Семенъ: такъ молъ и такъ.

— Куда жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говоритъ:

— Вотъ что, братъ. Оставайся-ка ты покудева на станціи. Ты, кажется, женатъ? Гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, ваше благородіе, женатъ; жена въ городѣ Курскѣ у купца въ услуженіи находится.

— Ну, такъ пиши женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится; ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ Семенъ.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ; дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли пріѣхала жена, и поѣхалъ Семенъ на ручной телѣжкѣ въ свою будку. Будка новая, теплая, дровъ — сколько хочешь; огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земли съ полдесятины пахотной по бокамъ полотна было. Обрадовался Семенъ: сталъ ду-

мать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купитъ.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключъ—гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метелъ, болтовъ, костылей, дали двѣ книжечки съ правилами и расписаніе поѣздовъ. Первое время Семенъ ночи не спалъ, все расписаніе твердилъ: поѣздъ еще черезъ два часа пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки и все смотритъ и слушаетъ, не дрожатъ ли рельсы, не шумитъ ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читалъ по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Дѣло было лѣтомъ; работа не тяжелая, снѣгу отгребать не надо. Да и поѣзды на той дорогѣ рѣдки; обойдетъ Семенъ свою версту два раза въ сутки, кое-гдѣ гайки попробуетъ подвинтить, щебенку подровняетъ, водяныя трубы посмотритъ и идетъ домой хозяйство свое устраивать. Въ хозяйствѣ только у него помѣха была: что ни задумаетъ сдѣлать, обо всемъ дорожнаго мастера проси, а тотъ начальнику дистанціи доложитъ; пока просьба вернется, время и ушло. Стали Семенъ съ женою даже скучать.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семенъ съ сосѣдями-сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все сѣнить его собирались: едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый

разъ на полотнѣ, посерединѣ между будками, на обходѣ; Семенъ шапку снялъ, поклонился.

— Добраго,—говоритъ,—здоровья, сосѣдъ!

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку.

— Здравствуй!—говоритъ.

Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собою встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семенъ.

— Что это, — говоритъ, — у тебя, молодица, мужъ неразговорчивый?

Помолчала баба, потомъ говоритъ:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сойдутся Семенъ съ Василіемъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и разсказываютъ про свое житье-бытье. Василій все больше помалчивалъ, а Семенъ и про деревню свою и про походъ разсказывалъ.

— Не мало,—говоритъ,—я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую талантъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ и есть. Такъ-то, братецъ, Василій Степанычъ.

А Василій Степанычъ трубку объ рельсъ выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не талантъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ задѣлаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнѣе и

злѣе человѣка. Волкъ волка не ѣстъ, а человѣкъ человѣка живьемъ съѣдаетъ.

— Ну, братъ, волкъ волка ѣстъ, это ты не говори.

— Къ слову пришлось, и сказалъ. Все-таки нѣту твари жесточе. Не людская бы злость да жадность—жить бы можно было. Всякій тебя за живое ухватить норовитъ, да кусъ отхватить, да слопать.

Задумался Семенъ.

— Не знаю,— говоритъ,— братъ. Можетъ оно и такъ, а коли и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бога положеніе.

— А коли такъ,—говоритъ Василій,—такъ нечего намъ съ тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на Бога взваливать, а самому сидѣть да терпѣть — такъ это, братъ, не человѣкомъ быть, а скотомъ. Вотъ тебѣ мой сказъ.

Повернулся и пошелъ, не простившись. Всталъ и Семенъ.

— Сосѣдъ!— кричитъ:—за что же ругаешься?

Не обернулся сосѣдъ, пошелъ. Долго смотрѣлъ на него Семенъ, пока въ выемкѣ на поворотѣ стало Василія не видно. Вернулся домой и говоритъ женѣ:

— Ну, Арина, и сосѣдъ же у насъ: зелье, не человѣкъ.

Однако, не поссорились они; встрѣтились опять и попрежнему разговаривать стали, и все о томъ же.

— Э, братъ, кабы не люди... не сидѣли бы мы съ тобою въ будкахъ этихъ, — говоритъ Василій.

— Что жъ въ будкѣ... ничего, жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эхъ ты! много жилъ, мало нажилъ; много смотрѣлъ, мало увидѣлъ. Бѣдному человѣку, въ будкѣ тамъ или гдѣ, какое ужъ житье. Ѣдятъ тебя живодеры эти. Весь сокъ выжимаютъ, а старъ станешь, выбросятъ, какъ жмыху какую, свиньямъ на кормъ. Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василій Степанычъ. Двѣнадцать рублей.

— А я тринадцать съ полтиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу, отъ правленія всѣмъ одно полагается: пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, отопленіе, освѣщеніе. Кто же это намъ съ тобой двѣнадцать или тамъ тринадцать съ полтиной опредѣлилъ, позволь тебя спросить? А ты говоришь, жить можно! Ты пойми, не объ полуторахъ тамъ или трехъ рубляхъ разговоръ идетъ. Хоть бы и всѣ пятнадцать платили. Былъ я на станціи въ прошломъ мѣсяцѣ; директоръ проѣзжалъ, такъ я его видѣлъ. Имѣлъ такую честь. Ѣдетъ себѣ въ отдѣльномъ вагонѣ; вышелъ на платформу, стоитъ. Да и не останусь я здѣсь долго; уйду, куда глаза глядятъ.

— Куда же ты уйдешь, Степанычъ? Отъ добра добра не ищутъ. Тутъ тебѣ и домъ, и тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница...

— Землицы! посмотрѣлъ бы ты на землицу мою,

Ни прута на ней нѣту. Посадилъ было весной капустки, такъ и то дорожный мастеръ пріѣхалъ: „Это,—говоритъ,—что такое? Почему безъ доношенія? почему безъ разрѣшенія? Выкопать, чтобъ и духу ея не было“. Пьяный былъ. Въ другой разъ ничего бы не сказалъ, а тутъ втемяшилось... „Три рубля штрафу!“...

Помолчалъ Василій, потянулъ трубочку и говоритъ тихо:

— Немного еще, защибъ бы я его до смерти.

— Ну, сосѣдъ, и горячъ ты, я тебѣ скажу.

— Не горячъ я, а по правдѣ говорю и размышляю. Да еще дождется онъ у меня, красная рожа. Самому начальнику дистанціи жаловаться буду. Посмотритъ.

И точно пожаловался.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать: ревизію дѣлали, такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ порядокъ привести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили; на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка-сторожиха и старика своего выгнала травку подчищать. Работалъ Семенъ цѣлую недѣлю; все въ исправность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху мѣдную кирпичомъ до сіянія оттеръ. Работалъ и Василій. Пріѣхалъ началь-

никъ дистанціи на дрезинѣ; четверо рабочихъ рукоятъ вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ; только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ; подскочилъ Семенъ, отрапортовалъ посолдатски. Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь, — спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто-шестьдесятъ-четвертомъ номерѣ кто?

Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридовъ.

— Спиридовъ, Спиридовъ... а, это тотъ самый, что въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну, ладно, посмотримъ Василія Спиридова. Трогай.

Налегли рабочіе на рукояти; пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семенъ на нее и думаетъ; ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра.

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видать, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что виднѣется. Сталъ Семенъ присматриваться—Василій: въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленькій, щека платкомъ завязана.

— Сосѣдъ, куда собрался?—кричитъ Семенъ.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко; лица на немъ нѣту: бѣлый, какъ мѣлъ, глаза дикіе; говорить началъ—голосъ обрывается.

— Въ городъ, — говоритъ, — въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... вотъ что! Жаловаться, стало-быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ, братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ, не забуду, не оставлю такъ.

Взялъ его за руку Семенъ.

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ-судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю, но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все,—съ дрезины сошелъ,—въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать, все какъ слѣдуетъ исправилъ. Ѣхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричать: «Тутъ,—говоритъ,—правительственная ревизія, такой сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать! Тутъ, говоритъ, тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!» Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дастъ онъ мнѣ...

а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ. Уѣхали они, опамятовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ. Да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ. Не знаю, найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди, ушелъ Василій и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала, извелась совсѣмъ, поджидаючи мужа. На третій день пріѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два перваго класса, а Василія все нѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семенъ его хозяйку: лицо отъ слезъ пухлое, глаза красные.

— Вернулся мужъ?—спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семенъ когда-то, еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ въ таловой палкѣ сердце, дырки гдѣ надо высверлитъ, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ и такъ славно наладитъ, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товар-

нымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копейки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка; на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ; спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было, тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чиликаютъ, да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семенъ немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семенъ скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ участкѣ не было. «Что бы это значило?» думаетъ. Выходитъ онъ на опушку—передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается: наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ накорточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ—и человѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ — не можетъ. Видитъ онъ Василія, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василій Степанычъ! отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ, поставимъ рельсъ, ни-

кто не узнаетъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха!

Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ; палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ничемъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семенъ къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ,— вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу— до будки сто саженъ, не больше, осталось,—слышитъ, на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи! спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семенъ: хватитъ паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и вдребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать саженъ, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя! Сидятъ они теперь всѣ; ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семенъ до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ; дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ

далекій, слышитъ — рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища, перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

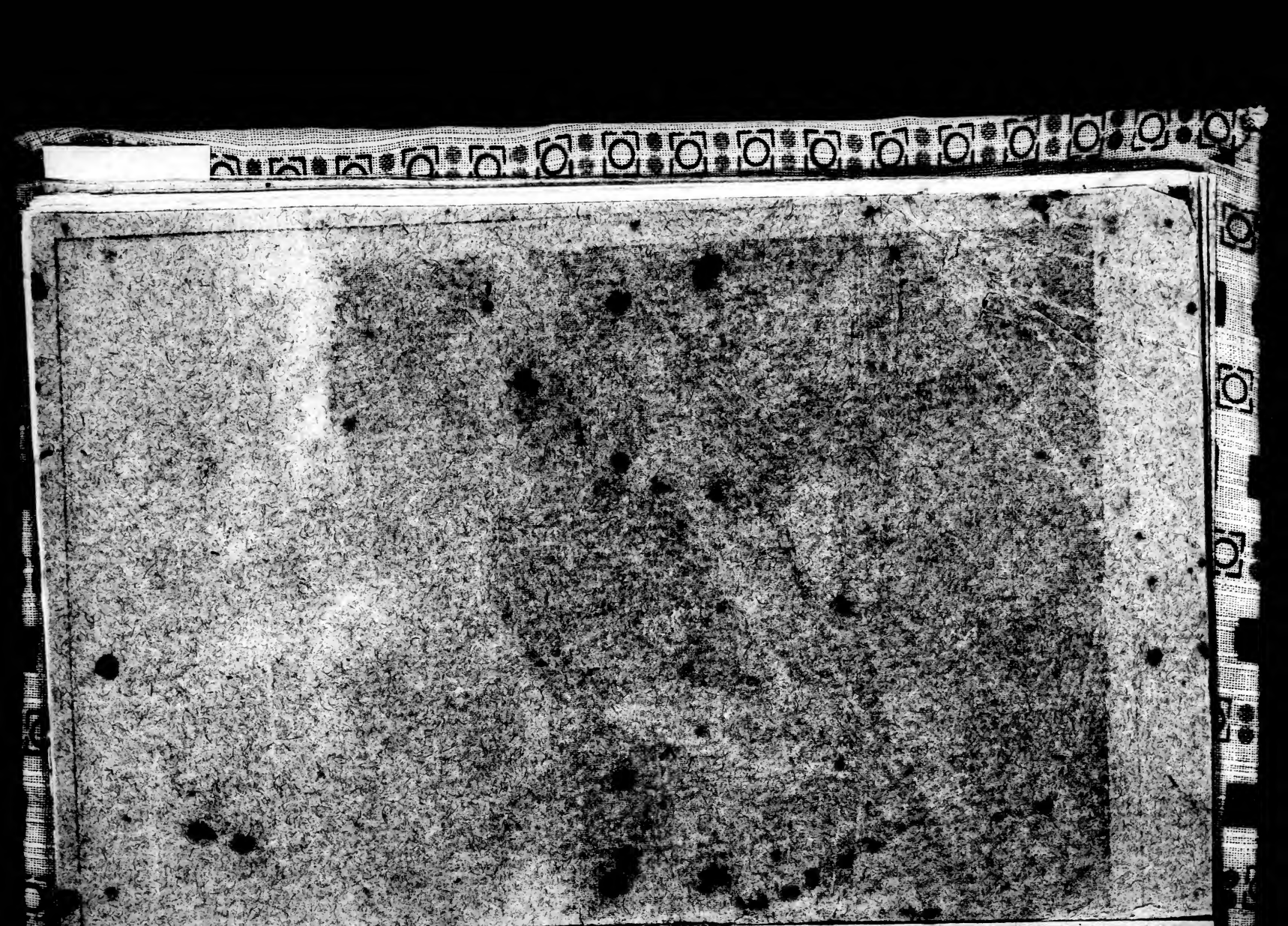
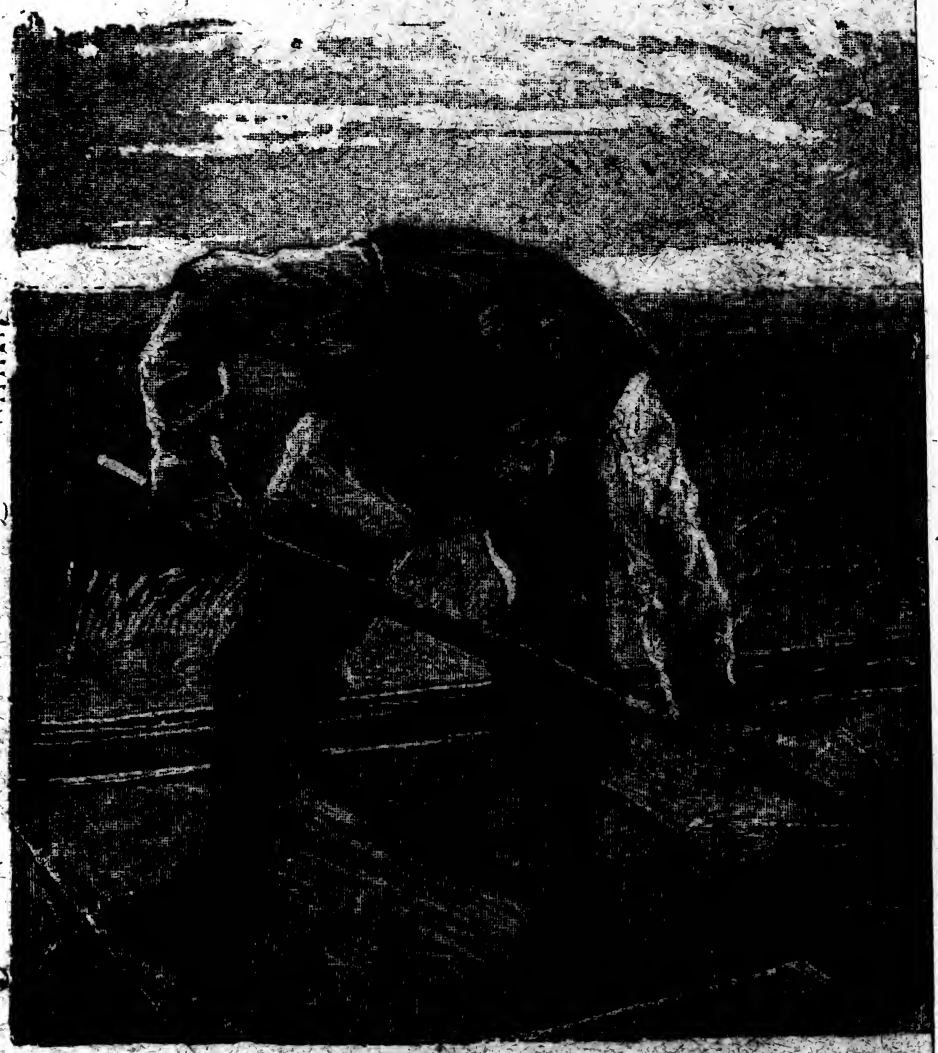
Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семенъ рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь: видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума, одна мысль въ головѣ: не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... Помоги, Господи, пошли смѣну...

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.

— Вяжите меня, — говоритъ: — я рельсъ отворотилъ.

КОНЕЦЪ.